

Центради по консерватизму

ISSN 2409-2517

[№ 4 2017]

«Русская интеллигенция»

фонд
ИСЭПИ

Институт
социально-экономических
и политических
исследований

Альманах

[Декабрь 2017 г.]

«Русская ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ»

{ декабрь 2017 г. }

Цетради

по консерватизму

{ № 4 2017 г. }

Москва
Некоммерческий фонд – Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ)
2017

*В соответствии с решением Высшей аттестационной комиссии
Министерства образования и науки Российской Федерации журнал включен
в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по отраслям
23.00.00 – Политология, 07.00.00 – Исторические науки и археология,
09.00.00 – Философские науки.*

Рекомендовано к печати
Экспертным советом Фонда ИСЭПИ

Редакционный совет
Д.В. Бадовский, А.Д. Воскресенский, А.Ю. Зудин,
А.А. Иванов, Б.В. Межуев, А.Ю. Минаков,
Р.В. Михайлов (гл. редактор), Е.Н. Мошелков, Л.В. Поляков (председатель),
М.В. Ремизов, А.С. Ципко, А.Л. Чечевишников

Тетради по консерватизму: Альманах. – № 4. – М.: Некоммерческий фонд – Институт социально-экономических и политических исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017. – 288 с.

Очередной номер альманаха «Тетради по консерватизму» посвящен феномену русской интеллигенции: осмыслению ее роли в истории России, осознанию ее миссии, а также рефлексиям на эти темы в сборниках русской интеллигенции, традицию которых заложили «Вехи».

Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77 – 67506.

© АНО «Средство массовой информации
Альманах «Тетради по консерватизму»», 2017
© Некоммерческий фонд — Институт
социально-экономических и политических
исследований (Фонд ИСЭПИ), 2017

Леонид Поляков
Слово к читателю
7

Раздел первый

Интеллигенция: в поисках смысла

А.М. Руткевич
Сумерки интеллигенции
11

В.А. Щипков
Похищение традиции и секулярное пастырство
29

Е.С. Холмогоров
Поминки по полупросвещению
45

Д.А. Юрьев
Антинарод
65

В.В. Ванчугов
От Бакунина к Блоку: революция как искушение
90

В.В. Аксючиц
Орден Русской интеллигенции
98

Раздел второй

Интеллигенция: «Вехи» и веховцы

М.А. Маслин
Три манифеста: вехи интеллигентского сознания XX века
121

А.А. Ширинянц
Сборник «Вехи» и новая миссия интеллигенции
137

Н.К. Гаврюшин
От «Вех» до «Исхода к Востоку»
150

А.А. Гапоненков
Н.Г. Чернышевский и веховцы
162

М.А. Колеров
Петр Струве в 1905-1908 годах: культура и социал-либерализм
170

А.А. Чемакин
П.Б. Струве и В.В. Шульгин: история взаимоотношений и сотрудничества
186

М.А. Колеров
С.Н. Булгаков редактирует «Из глубины»:
«На пиру богов» (1918 – 1920)
197

А.А. Тесля
С.Н. Булгаков: выход в историю
201

И.Б. Орлов
Октябрьский переворот в оценках меньшевистской
интеллигенции (конец 1917 – начало 1918 года)
211

Раздел третий

Интеллигенция: личный счет

А.С. Ципко
Библия русскости: о гуманистической глубине «веховской» идеологии
225

С.В. Перевезенцев
Феномен «Русской печали»
252

Б.В. Межуев
«Творческое самосознание» Михаила Гершензона
в истории моего поколения
267

А.П. Козырев – А.В. Щипков
Выйти из череды разрывов
277

Похищение традиции и секулярное пастырство (об историческом феномене интеллигенции)

В русском языке термин «интеллигенция» обозначает определенную субкультуру, однажды возникшую в России. Русская интеллигенция сочетала в себе оппозиционность социальному порядку, роль носителя моральных норм, а также закрепляла за собой право толковать культурные смыслы и формировать представления об общественном идеале. Принято считать, что в России социальный феномен интеллигенции приобрел исторические формы к 60-м годам XIX века. Сам термин приписывают русскому писателю и публицисту П.Д. Боборыкину, заимствовавшему его из немецкого языка и вложившему в него новый смысл [см., например, 1, с. 6].

Однако феномен интеллигенции, предводителей культуры, возникает не в России и значительно раньше XIX века. Он утверждается в западном обществе на заре Нового времени. Этот слой людей не всегда обозначался определенным термином. В Европе термин «интеллигенция» почти не использовался, но сам феномен существовал и всегда обладал неизменными основополагающими чертами.

В этом широком смысле «интеллигенция» означает носителей ценностей Просвещения, операторов идеологии Нового и Новейшего времени, Большого Модерна¹. В России и других странах, не знавших реформации и «отстававших» от западного культурного мейнстрима, или вовсе нехристианских странах (например, в Турции), но стремившихся в Европу, интеллигенция надолго стала особой субкультурой, образцом поведения для части общества.

На Западе, где зародилась эта позднесредневековая, или ранневозрожденческая, субкультура, она быстро стала доминирующей (стала культурой), поэтому особого названия за ней не закрепилось – там «интеллигенцией» были все интеллектуалы и люди творческих профессий, ощущавшие себя вестниками перемен, носителями доминирующей культуры Нового времени. Интеллигенция же в «догоняющих» странах ощущала себя вторичной, занималась в основном пересказом подслушанных в Европе идей («ей, этой горсти, принадлежит монополия европейской образованности...», С.Н. Булгаков [3, с. 29]) и становилась, таким образом, частью этого единого идеологического организма, не лишённого иерархии и авторитетов. Это европейское происхождение интеллигенции и ее органическую связь с западной культурой Нового времени косвенно признают и авторы сборника «Веги». М.О. Гершензон отмечает, что «наша интеллигенция справедливо ведет свою родословную от петровской реформы» [4, с. 82], а С.Н. Булгаков прямо называет интеллигенцию созданием Петровым [3, с. 29].

¹ Термин А.И. Неклессы [2].

Любому обществу требуется механизм сохранения и передачи традиции, в частности нужны люди, которые сохраняют в каждом поколении ключевые культурные смыслы и тексты. История знает, что в каждом обществе существовали те, кто сохранял это ядро культуuroобразующей, религиозной традиции, ненаследственную память, которая не могла передаваться автоматически, непосредственно от родителей детям без искажений и потерь. К этой памяти относятся обряды, священные тексты, церемонии, молитвы, а позже – Писание и Предание, на которых основываются культурные, правовые и этические нормы.

По мере дискредитации духовного сословия – людей религиозных текстов и традиции – укреплялся тот, кто хотел сам стать главным хранителем культуры. Интеллигенция – та часть общества, которая претендовала на функции нового клира. Светские интеллектуальные авторитеты стали новыми «отцами» и «пастырями» народа и властей. Возникновение феномена интеллигенции – это причина и главный результат секуляризации. Борьба с Церковью в Новое время воодушевлялась предвкушением того, что с победой над ней можно будет присвоить ее функции и полномочия, установив на них свою монополию.

Глубинная суть феномена интеллигенции объясняется через метафору секуляризованного духовенства. Духовенство обладает духовной властью, которая воплощается в трех полномочиях: совершение таинств, экзегетика (толкование текстов) и гомилетика (проповедь). Все три сферы в секуляризованной форме попыталась освоить интеллигенция.

Интеллигенция – новые люди текста, **новое духовенство секулярной эпохи**. Вряд ли можно найти более полный образ интеллигента, чем образ священника, поменявшего совершение церковных таинств на постижение тайн науки, искусства и политики. Основу того феномена, который мы в русском языке называем «интеллигенция», на всем протяжении новой и новейшей истории составляло пастырство. Творческие способности, политическая смелость, интеллектуализм и другие яркие качества интеллигенции или их отсутствие были лишь приложением к функции пастырства – тому главному, что составляло дух и суть этого феномена. Интеллигенция – это церковные чтецы, которые объявили себя духовенством в обход таинства рукоположения. И как раскольники, они посвящали свою жизнь оправданию и легитимации себя (осуществляли определенное давление на общество): создавали собственные «священные тексты», по-новому трактовали традицию, строили свои новые «храмы» и организовывали в них жизнь по своей новой задумке. Создавалась новая церковь и новая вера, которую разные авторы называли гностической, «атеистической» или «интеллигентски-гуманистической» [3, с. 34].

Социолог Карл Маннгейм (Karl Mannheim), возлагавший на интеллигенцию особую миссию в истории Нового и Новейшего времени, прямо заявлял, что именно интеллигенция взяла на себя религиозную функцию общества после Средних веков: «...Решающим фактором современности, отличающим ее от состояния Средних веков, является то, что монополия церковной интерпретации мира, принадлежавшая касте священнослужителей, была сломлена и на месте закрытого, строго организованного слоя интеллектуалов возникла интеллигенция» [5, р. 10]. И добавлял: «Им приходилось бороться за благосклонность общества, которое, в отличие от общества клерикальной эпохи, уже не поддавалось влиянию без их [интеллигенции] собственных усилий» [5, р. 11].

История идей Нового времени – это история попыток интеллигенции легитимировать захваченную духовную власть через конструирование новой иерархии и нового духовного центра, насаждая идеи, которые могли бы занять место Бога.

Духовная власть, данная духовенству Богом, имеет пределы, ограничиваясь идеей равенства всех перед Богом. Священник выделен из всех прихожан и ставится через рукоположение пастырем над народом, однако в конечном счете он является таким же при-

хозяином, частью народа, потому что перед Богом все равны. Интеллигенция же всегда чувствовала свою противопоставленность народу и традиционной культуре, потому что в борьбе за духовную власть над людьми не ставила в центр человеческого бытия Бога, предельное объединяющее и уравнивающее всех начало.

Обожествление идей равенства, братства, свободы, а позже и «общечеловеческих ценностей» стало необходимой составляющей жизни без Бога. Новая секулярная идеология оправдывала свою безбожность, доказывая, что может выполнять те же функции без Божественного начала – утверждать новую идею высшего блага формами высокой справедливости и всеобщего равенства, а также подменяя идею рая политическими и научными утопиями, дававшими ход развитию светского права и науки. В России практика жизни в такой религиозно-секулярной инверсии хорошо известна и понятна старшему поколению по советскому периоду.

Интеллигенция, формировавшаяся по образцу секулярного клира, в широком историческом смысле – это «новые», «прогрессивные», «лучшие» люди, революционный класс, которые со времен, уходящих корнями в позднее Средневековье, стремились волевым усилием взять в свои руки дух истории. Как сказали бы постмодернисты, получить власть над дискурсом. Интеллигенция рекрутировалась из всех сословий. В основе этого феномена лежали не организации и группы, а состояние духа тех, кто стремился не только к власти над умами и мировоззрением, но к гораздо большему – создавать эти умы заново по собственным лекалам, творить нового человека.

Эти люди не поднимались по карьерной или духовной лестнице, не совершали путь вверх, потому что не ощущали себя внизу. Желание социального, интеллектуального, духовного роста – это разные проявления чувства стыда, несоответствия человека идеальному себе, божественному образу в себе, а также чувства вины – несоответствия ожиданиям Бога. Открыватели Нового времени отказались от стыда и вины, а сосредоточились на обиде – чувстве, что окружающий мир, люди, Бог искажены и не соответствует им – новым, «лучшим» людям. Однажды заявив о своей власти над историей, они не пошли путем совершенствования себя. Их отношения с миром, с культурой и традицией – это отношение агрессора и жертвы. Совершить насилие над миром под лозунгом «пусть лучше он прогнется под нас».

В основу этого мировоззрения легла переосмысленная сотериология, учение о спасении человека, по сути, новая вера, заместившая христианство и убежденная в том, что избавить человечество от страданий можно на земле рационально-волевым усилием «лучших» людей.

«Лучшие» люди стали силой менять мир, цели и смысл истории. Исторический процесс из воплощения пути личного религиозного спасения, превратился в фабрику постоянных экспериментов, выполняемых по запланированным схемам и чертежам человеческих несовершенств. Управляющими этой фабрикой были люди, заложившие мировоззренческий фундамент будущей интеллигенции.

Если, например, говорить о современной России и попытаться составить список из наиболее ярких представителей интеллигенции сегодняшнего дня, то в него войдут самые разные люди: известные преподаватели, отдельные тележурналисты, некоторые родственники олигархов, единичные представители духовенства, несколько врачей, многие артисты, политики. Сложность определения четких признаков интеллигента связана с тем, что эта общность основывается на признаках неформальных, происходящих из области духа.

Принадлежность к интеллигенции не определяется степенью образованности и силой морального авторитета, творческими способностями и оппозиционностью. Интеллигентом может стать каждый путем декларации собственного гена морального превосходства и культурно-исторической избранности. Интеллигенция оправдывает свою власть

собственной природой. Стать интеллигенцией – значит сделать определенный этический выбор, перейти черту и сказать себе: «Да, я имею на это право, потому что достоин этого». Интеллигенция – самоназначенные надзиратели за историческим процессом.

Итак, со времени Возрождения интеллигенция выполняет функции нового клира и обладает внутренней тягой к созданию своей религии и новой «церкви» для легитимации своего статуса.

Возникшие в Новое время зачатки **новой религии** (нетрадиционной, квазирелигии) искали своего воплощения от столетия к столетию. Поиски от рационализма и идеализации природы через сциентизм, утилитаризм и позитивизм приближались к той форме, которую С.Н. Булгаков назвал атеизмом, А.Ф. Лосев сравнил бы с предельным, идеалистическим материализмом, материализмом античным, платоновским, пантеистичным, а современный британский богослов Дж. Милбанк определил бы как имманентизм.

Новая религия утверждала себя в борьбе с религиями традиционными, вытесняла религиозные мифы, главным образом христианские, из пространства мышления, но не успевала компенсировать их мифом своим, «рациональным», гностическим. Это привело к вакууму внутри мифического сознания, из которого было «насильственно» изгнано все «таинственное и чудесное» [6, с. 34]. Стало остро не хватать слов, эмоций, знаков, чтобы объяснять и описывать расколотый окружающий мир в его полноте [7, с. 76–84]. Возникшая пустота не могла сопротивляться внешнему «давлению», и однажды это привело к своеобразной имплозии – взрыву культурного пространства вовнутрь: мифическое сознание на рубеже XIX–XX веков стало безудержно заполняться как традиционными религиями, так и различной экспериментальной эзотерикой и мистикой. В России это проявилось в форме Серебряного века. Культура, долгие годы сидевшая на секулярных «антибиотиках» и утратившая внутренние защитные механизмы, не смогла справиться с атакой новой мифизации (мифологизации), отделить в ней конструктивные элементы от деструктивных. Некоторые исследователи характеризовали этот процесс как «ремифологизацию» культуры (Е.М. Мелетинский), то есть мифологизацию заново; можно было бы называть его также хаотической мифологизацией или мифологическим возрождением. Первый этап этого кризиса привел к архаизации политической мифологии и двум мировым войнам XX века, крупнейшим в истории человечества. Второй этап – культурная революция 1960-х – к эмансипации человека до той степени «расчеловечивания», что сегодня уместно говорить скорее не о перспективах формирования новой антропологии, а о конце всякой антропологии как систематизированного взгляда на человека и трансформации антропологии в творческую практику, новое античное *techné*, искусство как ремесло, создающее уже не только вещи, но и самого человека как некую вещь в трансгуманистическом смысле, как «эго-машину» [8]¹. Таким образом, развитие интеллигентской «религии» последовательно вело к кризису культуры, традиционных мифологий и христианской антропологии.

Имплицитная и не всегда осознаваемая форма религиозности приучила интеллигенцию смотреть на мир и традиционную религию «извне». «Трансцендентальным», то есть априорно принимаемым и не познаваемым до конца, а потому стоящим всегда над историей, объявила себя сама познающая интеллигенция, новые люди, интеллигентское «Я». Все остальное, включая самые высокие категории, было предано духу циничной эмпирики. Это то состояние, когда человек смотрит на мир секулярными глазами и задает секулярные вопросы «как?» и «в результате каких обстоятельств?», ожидая получить математически запланированный, читай магический ответ на религиозный вопрос «почему?». Неслучайно, интеллигенция в начале XX века стала трактоваться как исключительно

¹ Сравните с описанием «человекобожия» у С.Н. Булгакова.

единственно эпистемологическое средство, с помощью которого общество может познать само себя вполне (К. Маннгейм).

Пройдя извилистый и долгий путь от «возрождения» человека до идеологии выхода человека из себя (трансгуманизма), от борьбы с религией до утверждения равного статуса традиционных религий и сект, традиции и революции, религиозное мировоззрение интеллигенции тем не менее всегда оставалось секулярным (но не безрелигиозным) по духу. История развития интеллигенции в западной культуре и в России – это история отхода от традиционной религиозности к различным формам секулярных религий и «обновленчества».

Тема существования у русской интеллигенции некой особой религиозности стала одной из центральных тем **сборника «Вехи»** (1909), ее прямо или косвенно затронули почти все авторы этого проекта – памятника русской социальной мысли начала XX века. Их общий интерес к вопросу о религиозности и христианском кризисе интеллигенции имеет особое значение, поскольку, как известно, по условиям составителя сборника М.О. Гершензона никто из авторов не знал содержания других статей до выхода книги [1, с. 9]. Этот кризис христианской веры объяснялся ими не столько религиозной пустотой (пристрастием к атеизму, позитивизму, радикальному социализму), сколько набравшей силу особой интеллигентской религиозностью, «религиозной природой» [9, с. 4], квазирелигией.

П.Б. Струве строит в «Вехах» рассуждение о религиозности интеллигенции от обратного – с утверждения, что таковая отсутствует. Он говорит, что главными мотивами русской интеллигенции были революционность и антигосударственничество при полном отсутствии мистической религиозности: он пишет, что в революционную борьбу интеллигенция привнесла «огромный фанатизм ненависти, убийственную прямолинейность выводов и построений и ни грана – религиозной идеи». Религиозность русской интеллигенции Струве называет «легендой», возникшей «с легкой руки, главным образом, Владимира Соловьева». Однако, отмечая «отщепенство» от религии и государства и устремленность к внешним политическим преобразованиям как постоянное состояние духа интеллигенции в России, Струве вынужден признать существование в ней постоянного иррационального начала – «мечтательности», «неделовитости», «легкомысленности в политике». Он не дает достаточного объяснения этому началу, видимо, будучи не до конца уверенным в его природе. И приходит к странному выводу, называя его особой религиозностью без собственно религиозного содержания: «Легковерие без веры, борьба без творчества, фанатизм без энтузиазма, нетерпимость без благоговения, – словом, тут была и есть налицо вся форма религиозности без ее содержания» [10, с. 142–143].

Форма религиозности без содержания, скрытая и «бессознательная религиозность» (Н.А. Бердяев [11, с. 11]), «бессознательное вероучение»¹ (А.Ф. Лосев) – это и есть особая религия, гностическое состояние, к которому прибегают для того, чтобы подняться «над» или выйти «за рамки» традиционной религиозности, выйти за пределы нравственных ограничений.

Автор «Вех» С.Л. Франк озвучил схожую мысль, определив интеллигента как «воинствующего монаха нигилистической религии земного благополучия» [12, с. 177]. В свою очередь С.Н. Булгаков обозначил в «Вехах» и позже развил в сборнике «Из глубины» мысль о том, что интеллигенция «первым членом своего символа веры сделала безбожие, вторым – революцию, а третьим – социализм» [13].

¹ А.Ф. Лосев употребил это выражение в отношении духовного состояния ученых Нового времени, заложивших основы позитивизма, в частности – Декарта («Почему менее реален Бог, о котором Декарт сам говорит, что это яснейшая и очевиднейшая, простейшая идея? Почему не что-нибудь еще иное? Только потому, что таково его собственное бессознательное вероучение, таково его собственная мифология, таково вообще индивидуалистическая и субъективистическая мифология, лежащая в основе новоевропейской культуры и философии») [7, с. 46].

Одна из ключевых характеристик «религиозной природы» интеллигенции – это ее **отношение к Церкви**. Интеллигентность – это в том числе степень осознанного отхода от традиционного христианства в область иной религиозности, внесение корректировок в веру, чаще всего гностического содержания.

Интеллигент в связи с этим – всегда богослов вне церкви, который вносит свои коррективы в постулаты веры. Не только Толстой, но и другие представители интеллигенции пытались свободно, творчески переосмыслить богословие, начиная от самых легких форм типа критики разных проявлений церковной жизни и заканчивая крайней степенью антирелигиозной экзальтации типа Ж. Мелье и физическими гонениями против христиан. Интеллигент считает своим долгом если не открыто противостоять, то иметь некие «отношения» с Церковью, некоторое напряжение, вызванное задачей сохранять определенную степень самостоятельности и отдельности, быть никак не ниже и не в полном единстве с Церковью, а всегда на определенной дистанции: выше или вне ее.

Среди значительных русских философов Серебряного века классическим интеллигентом был сам Н.А. Бердяев. Это наиболее любящий интеллигенцию автор из всех участников «антиинтеллигентского» сборника «Вехи», отделявший «кружковую интеллигенцию», мелочную политическую «интеллигентщину» от «интеллигенции в широком, общенациональном, общеисторическом смысле этого слова», к которой он, безусловно, причислял и себя. Бердяев как образцовый по своей манере мышления русский интеллигент не только стоял на прилично-умеренных антиклерикальных позициях (христианство может быть вне Церкви), но и мимоходом вносил вольные и модные со времен В.С. Соловьева коррективы в христианское богословие самой манерой своих размышлений, рассуждая в стиле Я. Беме о «свободе зла», о «темной природе в Боге», о «противоречии» в лицах Святой Троицы, о христианских основаниях антихристианского бунта в культуре XIX–XX веков, о драме истории как продолжении «драмы», происходящей в вечности [14].

Но в конце жизни Н.А. Бердяев завещал передать свой дом в Кламаре (Франция) Русской православной церкви. Совершив на склоне лет этот, может быть, самый антиинтеллигентский поступок, он заставил задуматься людей своего круга. Это внешне незначительное событие в жизни философа до сих пор часто вспоминают, потому что не могут его до конца понять и принять. Вопрос здесь вызывает не столько то, что это был своего рода акт лояльности к «советской церкви», сколько несоответствие этого поступка самой личности философа, личности интеллигента.

Тема «Церковь и интеллигенция» сохранила значимость до сих пор. И хотя интерес к ней просыпается лишь эпизодически, она подспудно и постоянно присутствует в дискуссиях и рассматривается российской интеллигенцией как важнейший нерв многих идеологических споров о современной российской культуре и ее будущем.

При этом диалог интеллигенции с Церковью – это не беседа клира и паствы, а разговор разных религиозных организаций. Современный историк Ф.А. Гайда прямо отмечает, что интеллигенция представляет собой особую секулярную церковь, имеет черты «религиозного ордена со своими святыми, пророками, верой в прогресс и земной рай», поэтому Церковь историческую воспринимает как «противника» и «конкурента» [15].

Российский библиист А.С. Десницкий точно отразил суть этого «диалога», в котором интеллигенция ставит себя на равную позицию с Церковью как аналогичная по значимости историческая сила: «...Они существуют, и Церковь, и интеллигенция, и никогда одна из них не станет точно такой, какой другая хочет ее видеть. Тем более что и туда, и туда входят очень разные люди, а некоторые даже умудряются совмещать одно с другим, и не будет между ними полного согласия по всем вопросам». Десницкий, защищающий исторические привилегии интеллигенции, тем не менее признает, что это явление в России в

XIX веке оформилось как религиозное движение, особая новая церковь. По его словам, когда христианство перестало удовлетворять «людей думающих и глубоко чувствующих», в России и «возникла интеллигенция, по сути, *новый орден со сходной целью* [выделено мной – В.Щ.]: обрести смыслы, сберечь их, донести до людей, показать им, как можно добродетельно жить, и преобразить их жизнь изнутри. Только вот вера в Бога уже не являлась для этого ордена обязательной, а по сути, часто воспринималась как помеха» [16]. Это состояние интеллигенции философ А.Б. Рогозянский объясняет через образ психологического реверса – перехода от принципа «я в системе Божиего мира» к принципу «Бог в моем внутреннем мире» [17, с. 35].

Интеллигенция опирается на гностическую идею. Этот гностицизм возникает в результате самопревозношения «лучших» людей Нового времени и предлагает путь за границы традиционной нравственности, «за границы» добра и зла, разрешая человеку по своему желанию определять, где доброе и где злое. Кроме того, он основывается на выстраивании новой духовной иерархии с помощью идеологизации хронологии: противопоставления нового как хорошего старому как плохому, «современного» – «традиционному». При этом именно интеллигенция решает, что должно называться «современным». Поэтому примирение, взаимопонимание и выработка единого языка между Церковью и интеллигенцией не могут произойти обоюдно и по согласию: середины между ними не может существовать, как не может быть гармонии между нравственным методом и гностическим. Принимая Церковь в ее полноте, становясь ее частью, интеллигент перестает быть интеллигентом (хотя может при этом оставаться интеллектуалом).

И в современную эпоху, которая наступает после постмодерна, гносис используется интеллигенцией как способ легитимировать свои исторические полномочия, обосновать свое право на историко-культурный волюнтаризм. Апелляция к абстрактному знанию («чистой» науке, «чистому» искусству, неотвратимым «закономерностям» истории и т.п.) еще дает возможность оправдывать свои полномочия в борьбе за власть.

Религия интеллигенции, какие бы разнообразные метафоры для ее трактовки ни использовать, имеет одну постоянную и неизменную черту, один фундаментальный принцип: отказ от традиции. В этом смысле религия интеллигенции – это **революция**.

Поскольку появление интеллигенции – результат своеобразного культурного раскола, она не может существовать самостоятельно, с опорой на свою традицию: для развития она вынуждена всегда воспроизводить этот раскол. Революция становится методом жизни интеллигенции, своеобразной религиозной практикой.

Примеры сакрализации революции в русских революционных кругах начала XX века и образцы этого специфического революционно-религиозного состояния духа точно показал А.П. Козырев в статье «Антихрист и революция» [18]. Те люди, которых сегодня нередко относят к «лучшим» людям своего времени, свету интеллигенции, оправдывали, легитимировали революцию с религиозных позиций. Среди них – В.С. Соловьев, воспевавший в своем раннем творчестве особый религиозно-мистический дух перемен, А.А. Блок, ставивший «старообрядческого» Христа во главу революционного мятежа, Д.С. Мережковский, заявлявший, что «Христос – религиозный предел всякой революции», что религия и революция – это «одно и то же», «религия и есть революция, революция и есть религия». Или В.П. Свенцицкий, основатель «Христианского братства борьбы», который еще до своего прихода в Церковь и рукоположения, в годы личного духовного кризиса фактически занимался проповедью революции, а террористов называл «святыми». Многие другие представители интеллигенции если не прямо говорили о революционном богословии, то косвенно признавали особую религиозно-историческую предопределенность и оправданность революции.

На связь революционной идеи и особой религиозности интеллигенции прямо указал в «Вехах» С.Н. Булгаков: «Я не могу не видеть самой основной особенности интеллиген-

ции в ее отношении к религии. Нельзя понять также и основных особенностей русской революции, если не держать в центре внимания этого отношения интеллигенции к религии» [3, с. 31].

Тот же самый феномен революционной религиозности существует и в наши дни. Попытки представить политический протест как важнейшее религиозное событие в жизни личности и общества предпринимались в России в ходе протестов 2011–2012 годов и на Украине в ходе майдана 2013–2014 годов.

Публицист С.В. Чапнин сравнивал митинги на Болотной площади и проспекте Сахарова с «пятидесятницей христианской общественной жизни», катализатором духовой жизни общества. Он трактовал политический протест как некий духовный акт, как христианское политическое действие, которое еще «не вылилось в христианские митинги или пикеты», но уже «стало менять самосознание людей» [19].

Тему политического протеста как религиозного события подхватили через два года и украинские спикеры. В нашумевшей статье архимандрита Кирилла (Говоруна) «Богословие Майдана» была сделана попытка представить участие в вооруженном политическом протесте как высший нравственный поступок, превосходящий по своей религиозной значимости саму Церковь:

«...Майдан в своей ценностной составляющей значительно перерос и украинские церкви – все без исключения. Которые до Майдана и отчасти во время Майдана оставались преимущественно в двумерных отношениях церковь-государство, хотя какие-то держались за эти отношения больше, а какие-то – меньше. Лишь в последние дни Майдана украинские церкви начали подтягиваться до того уровня нравственного сознания и ответственности, которые продемонстрировал Майдан. От общих призывов к ненасилию они перешли к тому, чтобы делами и словами солидаризироваться с ценностями Майдана, осознав родственность его принципов с христианскими – Майдана, который явил множество примеров альтруизма, готовности к самопожертвованию, взаимопомощи и т.д.; избравший быть слабым, несмотря на свою численность; который имеет почти эсхатологические надежды на восстановление достоинства, которое Бог заложил в человеческую природу» [20].

Недавним и ярким примером реинкарнации идеи о революции как особом религиозном состоянии стала книга В.Д. Соловья «Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху» (издательство «Эксмо», 2016, тираж 2000 экз.). В ней автор последовательно проводит мысль о том, что революция – это иррациональный акт («Люди участвуют и будут участвовать в революциях, несмотря на знание того, что лучше после и вследствие них не станет, а, скорее всего, станет хуже») и единственный способ ощутить в современном обществе причастность к «Истории». «История» предстает в этом случае не просто как исторический процесс, но в качестве своеобразного божества, некой сверхъестественной энергии. Автор приходит к утверждению, что в причастности этой энергии, «в своем революционном действии человек на мгновение уподобляется богу». Причастность к революции и Истории предстает здесь одновременно и как элемент своеобразной секулярной сотериологии, и как способ самовозвеличивания, достижения состояния *яко боги*, способ ощутить власть над судьбами мира, пускай на ускользающее мгновение.

Вечная революция как вечное стремление к власти с одновременным религиозным оправданием этого стремления есть основа религии интеллигенции. Ее гностический характер не только предлагает выход за границы понятий о добре и зле, но и предполагает существование круга избранных.

Несмотря на то, что двери революции объявляются открытыми для всех, не скрывается то, что существует внутренний круг, избранное меньшинство, ядро революционного класса, или интеллигенции: «Людей с революционным психотипом (по-другому их еще можно назвать неконформистами) в любом обществе немного. Неконформистское ядро со-

ставляет всего лишь 3–5%, и похоже, что оно биологически детерминировано» [21, с. 149]. Ссылки на биологическую избранность указывают не столько на сегрегационный или расистский тип революционной идеи, сколько на ее гностические корни. Хотя и расизм сам по себе, безусловно, гностичен.

Комплекс тем, связанных с феноменом интеллигенции как специфической части общества, интересовал не только русских авторов.

В ту же самую историческую эпоху, когда работали авторы «Вех», феномен интеллигенции в западной культуре и истории пытался осмыслить немецкий и английский социолог **Карл Маннгейм**, выступивший апологетом интеллигенции как ведущей исторической силы Новой и Новейшей истории. В книге «Идеология и утопия» (1929) он посвятил отдельный раздел интеллигенции, которую понимал не в обычном европейском смысле как сообщество интеллектуалов, а как совершенно особый элемент общества, не относящийся к конкретному классу или слою. И хотя тема России и проблема русской интеллигенции Маннгейма не интересуют и не упоминаются им, он использует понятие «интеллигенция» почти в том же значении, что и авторы «Вех».

Исторические функции и качества интеллигенции (европейской), о которых говорит Маннгейм, вытекают из его концепции об историческом развитии. Эта концепция основана на двух категориях – «идеологии» и «утопии». Первая консервирует общество, вторая ведет к прорывам и развитию. Эта концепция интересна тем, что делает попытку обосновать и оправдать замену религиозного сознания на утопическое, а также поднять роль интеллигенции на небывалую высоту: поставить ее не только над обществом, но и сделать главным элементом в механизме исторического процесса, всего человечества.

По Маннгейму [22, S. 170], каждая историко-культурная эпоха была «оплетена» представлениями о бытии, которые выходили за границы этого бытия (были трансцендентальными). Однако эти представления были для людей не утопиями, а идеологиями, поскольку отражали ценности и порядок этих конкретных эпох и охраняли их. Эти идеологии были «органично» (то есть нереволюционно) встроены в современные им картины мира. Средневековый порядок держался на Церкви и феодализме и существовал до тех пор, пока ему удавалось сохранять идею о рае, обещать людям рай, который находится за границами земной истории, в потустороннем мире. Идеи, обращенные к традиции и сохранению существующего порядка вещей, Маннгейм и называет идеологией. По Маннгейму, идеологии начали трансформироваться в утопии только тогда, когда появилась особая группа людей, которая начала конструировать свой образ рая как образ идеального будущего и обещать его обществу. Утопия – это такая идеология, которая находится в несоответствии с окружающим социальным бытием и действует не ради сохранения традиции, а с целью ее «взрыва», слома.

Для Маннгейма в эпоху современности общество сталкивается с множеством интерпретаций себя и распадается на множество противостоящих частей. И единственная возможность не впасть в релятивизм, не потерять ощущение исторического развития, не стать жертвой идеологий, препятствующих развитию, – найти точку сборки социальной реальности. Такой точкой, по Маннгейму, и является интеллигенция. Если в своих немецкоязычных работах он использовал термин “Intelligenz”, то в английских прижизненных переводах и публикациях он параллельно употребляет и слово “Intelligentsia”.

«В мире, все более интенсивно раздираемом классовым делением, существует один слой, который весьма трудно выявляем, почти не выявляем для социологии, ориентированной просто на изучение классов. Однако особое социальное положение этого слоя может быть очень хорошо описано. Этот слой представляет собой некую середину, но не в виде отдельного класса. Это слой, говоря образно, не парит [одиноко] в безвоздушном пространстве над всеми классами. Совсем наоборот: он объединяет в себе все те импульсы, которые пронизывают это социальное пространство» [22, S. 126].

Таким образом, по мысли Маннгейма, интеллигенция не принадлежит к какому-то конкретному общественному классу или слою, но объединяет их в себе, присутствует везде, вбирает в себя все существующие взгляды на окружающее общество и все виды мировоззрений.

Чтобы подчеркнуть неопределенность границ этой группы, ее особый статус, Маннгейм использует определение *“freischwebende”* (нем.) – «свободно парящая», «подвисшая в воздухе». Это описание во многом пересекается с определением интеллигенции С.Н. Булгакова, который говорит о ней как о слое, склонном к «утопизму» и обладающем «недостаточным чувством действительности», оторванном от социальной реальности [3, с. 32]. К. Маннгейм, как и русские авторы, не дает окончательного определения этому термину, а в качестве синонимов слова «интеллигенция» использует множество выражений: оторванная от социума и свободно парящая интеллигенция (нем. *sozial freischwebende Intelligenz* или англ. *socially unattached intelligentsia, socially free-floating intelligentsia*), бесклассовый слой (нем. *klassenlose Schicht*), социальные и политические трегеры (нем. *soziale und politische Träger*), довесок к классу (нем. *Anhängsel einer Klasse*), социальная «не-сущность» (англ. *social non-entity*) и социальное ничто, точка ноля (англ. *nullity*) [22, 5, 23; 24, № 12, р. 30–52].

С этой точки зрения получается, что фактически только интеллигенция в Новое и Новейшее время может претендовать на «универсальную правду»¹ и объективность, поскольку сама является единственной в обществе «отстраненной», «свободно парящей» силой. То, что П.Б. Струве критически называл отчуждением и отщепенством и считал главным пороком интеллигенции, Маннгейм трактует как главное ее достоинство и преимущество. Из этого приписываемого интеллигенции независимого и свободного положения Маннгейм выводит ее право свободно порождать утопии из самой себя, свободно определять судьбу человечества, постоянно «разбивая», «взрывая» с помощью этих утопий современные порядки вещей (идеологии). Интеллигенция, создающая утопии и управляющая ими, становится движущей силой истории.

Для Маннгейма интеллигенция – это трегеры (носители) истории, миссионеры и революционеры одновременно. Если Ницше полвека ранее говорил о «сверхчеловеке» (волевым творце, демиурге истории), то Маннгейм на страницах своих трудов фактически по этой аналогии создает особый *сверхкласс*, который является демиургом истории и главным элементом общества, его ядром, посредством которого осуществляются все его процессы.

Маннгейм представляет интеллигенцию как вечных революционеров исторического процесса и фактически ставит знак равенства между интеллигенцией и революционерами. Не случайно британский социолог Брайан Тернер (род. 1945), написавший в 1991 году предисловие к одному из англоязычных изданий работы «Идеология и утопия», назвал этот труд «исследованием революционной политики» [26, р. xlvii].

Если интеллигентность есть определенный тип религиозного состояния, основанного на идее власти и революционности, то и преодоление этого состояния может осуществиться только религиозным путем. Хождение в народ, опрощение и другие внешние формы борьбы с собственной интеллигентностью лишь разжигают интеллигентскую страсть, укореняют интеллигенцию в своем мировоззрении.

Ярким примером борьбы с интеллигентским мироощущением является творчество **А.Ф. Лосева**. Ответ революционно-интеллигентской вере он видел в христианской идее, которую положил в основание своих философских поисков и всей своей жизни, приняв в

¹ Как называет интеллигенцию один из исследователей работ Маннгейма, *«a group capable of achieving universal truth»* [25, р. 15].

1929 году тайный монашеский постриг. Идеологические преследования, арест, война и непрекращавшееся давление наложили на творчество Лосева сильный отпечаток – многие мысли он излагал эзоповым и абстрактным языком, чтобы преодолевать цензурные ограничения. Но дух его творчества нельзя было скрыть. Лосев не столько боролся с крайностями материализма как таковыми, сколько с квазирелигиозным духом революции, отрицающим традиционную религиозность, христианство и насаждающим собственную мифологию. Именно поэтому С.С. Хоружий сравнил творчество Лосева с «арьергардным боем русской христианской культуры» [цит. по: 6, с. 30].

Как отметил А.П. Козырев, Лосев в «Диалектике мифа» и в «Дополнениях к диалектике мифа» приходит к выводу, что ответом на разрушительный дух революции, через которую прошла русская интеллигенция, может быть только обращение к вере: *«Лосев, как никто другой, с хирургической аккуратностью и точностью вскрыл и проанализировал миф революции <...>, как работает мифологизация революционной идеи. По Лосеву, эта мифологизация связана с определенным типом личности, который основывается на возрожденческом, либерально-секулярном мировоззрении. В свою очередь это мировоззрение строится <...> на идее о том, что каждый человек является сам себе господином и имеет право создавать свою философию»* [27, с. 54–55].

При этом в научных и художественных текстах Лосева, антиинтеллигентских по духу, чувствуется такое же томление интеллигентского духа, как и у авторов «Вех». Е.А. Тахо-Годи назвала «Диалектику мифа» прямым продолжением тем, поднятых в «Вехах», авторов которых Лосев уважал как старших авторитетов: «...В «Диалектике мифа» разрабатываются многие «веховские» сюжеты: об атеизме как особой религиозной вере; об интеллигентском идолопоклонстве перед наукой и прогрессом; о неприятии позитивизма и рационализма в философии» [28, с. 30]. Однако, как и веховцы, Лосев был интеллигентом изнутри, чувствовал это состояние и, вероятно, хотел преодолеть его. Показательный пример – отношение Лосева к Церкви и вере. С одной стороны, он внук священника, человек, для которого православная традиция всю жизнь оставалась живым и главным мировоззренческим основанием. С другой стороны, он уделял особое внимание модному в интеллигентских кругах того времени имяславию, критиковал позицию патриарха Сергия за сотрудничество с советской властью, имел склонность к отдельному, катакомбному православия, чувствовал необходимость в особом духовном статусе (который бы вытеснил интеллигентский статус, тоже в каком-то смысле «духовный») и принял тайно монашеский постриг («ангельский чин»), о чем было известно только узкому кругу посвященных.

Отношение Лосева к феномену интеллигенции можно проследить на примере его небольшой повести «Встреча» [29]. Главный герой повести Вершинин, заключенный Белбалтлага, является прямым прототипом автора, который в 1930–1933 годах был сослан на строительство Беломорско-Балтийского канала. В споре с заключенной, бывшей пианисткой Тархановой, Вершинин много раз сопротивляется тому, чтобы собеседница называла его интеллигентом и заявляет, что «русская интеллигенция – это либерализм, демократические идеи, даже большая революционность». Затем Вершинин-Лосев, хотя и с нарочитой иронией, начинает защищать «гнилую интеллигенцию» от обвинений: «Факт налицо, – сказал я. – Буржуазная, контрреволюционная, разложившаяся, гнилая интеллигенция – строит первый в мире канал, строит в полтора года, во славу и укрепление мирового коммунизма!». Центральная часть повествования, собственно, и построена на том, что Вершинин-Лосев пытается диалектически совместить в себе интеллигента и неинтеллигента, то отмежевываясь от этого статуса, то защищая его.

В конце жизни Лосев написал небольшое эссе «Об интеллигентности», в котором в восьми пунктах изложил то, как понимает «интеллигентность» [30, с. 314]. В этом эссе он все же поднял этот социальный феномен на недостижимую высоту, назвав интеллигент-

ность «общественно-личным историческим подвигом», фактически уравнивая ее с мессианством. Кроме того, Лосев признал и элитарный характер интеллигенции, стать которой простому человеку так же трудно, как усвоить «учебник дифференциально-интегрального исчисления». Удивительным образом здесь Лосев фактически декларирует те же позиции, которые полвека назад озвучил Маннгейм. Для Лосева интеллигентность тоже не есть «принадлежность к некоторой общественно-политической прослойке», ни уровень образования, ни «какое-нибудь общественно-историческое происхождение», «ни просто моральное поведение», «ни участие в общекультурном прогрессе» [30, с. 314]. Интеллигентность, по Лосеву, есть главным образом функция личности, возникающая в связи со следованием конкретной идеологии. Косвенно он говорит, что речь идет о гуманизме: «Делая предельно общий вывод и подводя итог всем частностям, необходимо сказать, что интеллигентен тот, кто блюдет интересы общечеловеческого благоденствия» [30, с. 315], кто «переделяет действительность» «в целях достижения и воплощения заветной и тайной мечты каждого интеллигента работать ради достижения общечеловеческого благоденствия» [30, с. 317]. Как назвать эту идеологию, если не просвещенческим гуманизмом. Фактически Лосев говорит о том, что интеллигенция является носителем утопического сознания: «Интеллигент живет и работает в настоящее время так, как в будущем станет жить и работать человек в условиях общечеловеческого благоденствия» [30, с. 315]. Ради этого интеллигенция научается смотреть на действительность «критически», всегда «вооружена» и готова «вступить в бой» за свои идеалы [30, с. 318].

Лосев, безусловно, причислял себя к интеллигенции, владел и пользовался этим статусом. Разоблачая мифологичность любого научного знания, он признает существование «чистой науки», которая не есть мифология и не есть религия, является недостижимой для человека, но существует как абстракция (иначе была бы невозможна реальная, мифологизированная наука). Вера в чистую науку как вторая опора (после опоры на христианскую веру) и позволяла ему сохранять свою интеллигентность на протяжении жизни как ресурс, гностический по сути, позволявший философу ощущать себя «над» и «вне» всех мифологий. Его диалектическая интеллигентность, отрицающая саму себя, многократно проявлялась в его текстах и биографии. Для нас она интересна тем, что открывает линии и границы самого феномена интеллигенции. Вся жизнь философа – это не только борьба с материализмом, за отстаивание самостоятельности мифа, но и в каком-то смысле отражение борьбы веры религиозной и веры в самостоятельность науки, преодоление интеллигента в себе и одновременно следование сути и духу этого феномена.

Похожий путь борьбы проходили и другие русские философы – например, о. Сергей Булгаков, переживший духовный перелом, в результате которого отказался от интеллигентской «религии человекобожия», от атеистических философских посылок (а позже – от самой философии): «...проверяя их умом и сердцем, наукой и жизнью, отступая шаг за шагом, я возвратился сознательно к вере детских дней, вере в распятого Бога и Его Евангелие как к полной, высочайшей и глубочайшей истине о человеке и его жизни» [31, с. 390]. Эти слова Булгаков произнес в 1908 году, а ровно через десять лет он будет рукоположен в иерейский сан и сознательно откажется от философии, от веры в чистую науку. По его словам, «философ», а по сути, духовный лидер секулярной эпохи, хочет «создать логический мир из себя, из своего собственного принципа – “будьте яко боги”» [32, с. 90].

Критиковать интеллигенцию – любимое занятие самой интеллигенции. Автор книги «Церковь и интеллигенция» (2009) архимандрит Рафаил (Карелин), рассуждая о причинах антиклерикализма интеллигенции, подчеркивает, что критикует не всю интеллигенцию, а только ее часть: «А иначе мы мало чем отличались бы от революционера Зиновьева, который сказал: “Рабочий, знай, каждый интеллигент – твой враг”» [33]. Однако сама интел-

лигенция периодически говорит именно словами этого революционера и выступает против интеллигенции, поскольку в своей основе является выразителем революционной идеи.

Можно ли сказать, что и авторы «Вех», и Лосев, и авторы «Из глубины» и «Из-под глыб», которые критиковали интеллигенцию, сами являлись классической интеллигенцией? И да, и нет. Статус интеллигента обусловлен не происхождением, не уровнем образования, не принадлежностью к некоему социальному слою. Интеллигенция – это стиль (субкультура), это состояние духа, нравственный выбор. В течение жизни человек может неоднократно становиться интеллигенцией и переставать быть ею в зависимости от своего внутреннего состояния.

Европейские просветители Нового времени и русские революционеры «веховской» эпохи, утонченная интеллигенция и грубая образованщина [34], просвещенная общественность и креативный класс – это один и тот же феномен. В него могут входить люди разного уровня образования, таланта, состоятельности, религиозности и разных моральных качеств, однако это одни и те же люди по своим целям и модели поведения.

Логика исторического развития интеллигенции заключается в стремлении сохранить присвоенные полномочия, отказавшись от выполнения ключевой функции, отнятой у духовного сословия, – передачи традиции. Передача традиции всегда связана с сохранением базовой, традиционной культуры и ее главного носителя – народа. Возникая как узурпатор духовной власти, интеллигенция не может служить традиции и народу: энергия ее существования и ее власть основаны на разделении традиции и народа. Возникающее вследствие этого напряжение между народом и его традицией ослабляет идентичность народа, делает историческое развитие и культуру рыхлой, легко подверженной влиянию. Искусственно воспроизводя этот разрыв снова и снова, интеллигенция продлевает свою жизнь и легитимирует себя, потому что в этой ситуации рыхлости истории она становится востребованной и даже крайне необходимой обществу, указывая ему дорогу. Как бы С.Н. Булгаков ни ругал «безбожную» интеллигенцию, он по сформированной культурой Нового времени привычке, не до конца осознаваемой, приписывает ей слишком грандиозную роль: «Вопрос об интеллигенции и духовных ее судьбах принадлежит воистину к числу *проклятых* вопросов русской жизни. Скажу больше того: то или иное его решение имеет *роковое* значение в истории России. От того, как самоопределится интеллигенция, зависит во многом, чем станет Россия»¹.

Но интеллигенция никогда не самоопределяется, но лишь самосохраняется. Она консервирует состояние разрыва между традицией и народом и стремится полностью подменить собой традицию, самой стать «традицией», что обеспечит ей привилегированное существование. Кредо настоящего интеллигента: «Традиция – это я». Подлинная традиция в этом случае подменяется борьбой утопий, то есть интеллигентскими спорами. Противопоставляя себя народу, интеллигенция следует не минутным соблазнам, но ключевому принципу своего существования.

Подмена традиции осуществляется с помощью двух институтов. Во-первых, это институт фиктивных учителей. Хорошо известны случаи «назначения» авторитетов, искусственного определения того, кто будет лидером интеллигенции: телеведущий, философ или филолог, политолог, бывший политик, бизнесмен. Происходит их героизация и почитание. Иногда «учителями» становятся при жизни. Совсем в частных случаях два интеллигента идут на обоюдный сговор, начиная публично играть роли «учителя» и «ученика», что выгодно обоим: «ученик» объявляет своего «учителя» великим, а «учитель» всегда

¹ Эти слова произносит «Писатель», действующее лицо произведения С.Н. Булгакова «На пиру богов. Pro et Contra. Современные диалоги» (сборник «Из глубины», 1918). Произведение Булгакова хотя и написано в жанре диалога, не содержит крайних противоречащих высказываний. Действующие лица фактически не спорят, а выражают одни и те же позиции с разной эмоциональной окраской и в разном риторическом оформлении. Многие реплики диалога можно отнести к позиции самого автора.

называет «ученика» превзошедшим своего учителя. Вокруг этих людей возникает интеллигентский ореол избранности.

Во-вторых, это институт фиктивных текстов. В каждую эпоху у интеллигенции есть набор текстов (книг, фильмов), иногда не самого высокого эстетического и интеллектуального уровня, но которые объявляются гениальными и доступными для понимания и чувствования только интеллигентскому сословию. Но чтобы стать интеллигентом не обязательно «любить» и «понимать» эти тексты, почитать «учителей», главное – принять кредо: нет закона выше, чем закон, назначенный интеллигенцией.

Отрыв интеллигенции от традиции объясняет, почему интеллигенция всегда оказывается органично чужда народу. Постоянная тема всех сборников «веховской» традиции что в XX веке («Вехи», «Из глубины», «Из-под глыб»), что в XXI веке («Перелом», «Плаха», «Язык» [35–37]) – пропасть между интеллигенцией и народом. Разрыв между интеллигенцией и народом возник в истории не как барьер непонимания (хождение в народ не помогает), не как разница между достатком, языком и манерой поведения (интеллигенция была чужой не потому, что разговаривала и вела себя по-иностранному: иностранностью и вообще любой странностью русский народ сложно удивить), а как структурное отсутствие духовной связи между ними. Интеллигенция всегда считает народ чужим и не видит необходимости соединять себя с ним духовной связью. Интеллигентский статус зависит не от традиции и, следовательно, не от народа, а от постоянного отказа от традиции. У интеллигенции и народа разные предельные цели: у первой – власть, у второго – традиция.

Интеллигенция всегда находится в напряженном, противоречивом состоянии: она стремится к власти и презирует государство, желает быть совестью нации, новым клиром, квинтэссенцией народа (лучшими людьми) и при этом не быть народом, презирует народ. Интеллигенция внутренне помнит и знает, что является искусственной «надстройкой» над традицией и народом, их эрзацем, отчего испытывает еще большее неприятие к народу. В этом непрестом и неестественном состоянии кроется корень вечных интеллигентских комплексов. Знаменитая фраза М.О. Гершензона, точно описала это состояние: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, – бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» [4, с. 92].

Приводной механизм интеллигенции не интеллектуальный труд, а сектантское сознание. Поэтому интеллигенция по своей природе никогда не становится большинством: интеллигенция будет в меньшинстве даже в постиндустриальном, информационном обществе, где большая часть населения занимается интеллектуальным трудом. Нарочито отделяя себя от общества, она ставит себя вне и выше общества. Собственные «учителя» и «тексты» позволяют интеллигенции создавать на теле народной культуры свою отдельную культурную структуру. Это приводит к тому, что интеллигенция органично становится носителем сектантского сознания, может существовать только как «меньшинство» и в культурном, и в политическом смысле. Отсюда возникает ее неперемное качество революционности, оппозиционности, дух «протестного меньшинства», даже если у этого «меньшинства» в руках находятся рычаги управления дискурсом. Если это меньшинство приобретает политическую власть, его оппозиционность оборачивается тиранией.

Интеллигенция не может себя воспроизводить: как и любая субкультура, она все-таки не может окончательно разорвать связь с базовой, традиционной культурой и зависит от нее, является ее «довеском». Она тяготится этой невозможностью окончательного разрыва, а ее трагедия заключается в том, что полный разрыв с традицией (полное замещение собой традиции) ведет к самоуничтожению, к условному 1937 году.

Исторически интеллигенция выстраивает свою власть по образцу церковной. Взяв на себя однажды полномочия нового клира, интеллигенция стала бороться со «старой», традиционной этикой и выстраивать собственную этическую иерархию, зачастую противоположную христианской. В отличие от Церкви, чьи конечные духовные цели устремлены к небесному граду, интеллигенция мыслит утопиями – мечтами о достижении сверхцелей в нашем земном мире. В связи с этим христианство в интеллигентской этике подменяется особой гностической верой (верой в разум, чистую науку, абстрактные секулярные ценности), революционной идеей как квазирелигиозной практикой, борьбой с традицией, а также попытками строительства рая прямо на земле. Утопическое сознание не признает разделение мира на божественный и земной, не различает религиозное и политическое. Поэтому интеллигенция тоже не ведает этих границ, а своей целью видит стяжание власти над земной историей и культурой. В этом стремлении она приобретает агрессивный дух, чем-то напоминающий человека, осознанно совершающего преступление ради приобретения уверенности в себе и власти, отсекающего таким образом себя от мира. Интеллигенция – это статус, принятие которого зависит от нравственного выбора человека.

Литература

1. Вехи : материалы к библиографии, 1993–2007 / вступ. ст. Б.В. Емельянова ; сост. Б.В. Емельянов, Е.А. Рябоконь. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008.
2. Неклесса А.И. Конец эпохи Большого Модерна // Знамя. 2000. № 1.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
4. Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
5. Mannheim K. Ideology and Utopia. New York : Harcourt, Brace & CO., INC; London : Routledge & Kegan Paul LTD, 1954.
6. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2016.
7. Щипков В.А. Трансформация дискурса пространства: от традиционного общества к эпохе постмодерна // Вестник МГИМО-Университета. 2015. № 3 (42).
8. Метцингер Т. Наука о мозге и миф о своем Я. Тоннель Эго. М. : АСТ, 2017.
9. Гершензон М.О. Предисловие // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
10. Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
11. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
12. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи : Сборник статей о русской интеллигенции. М. : Типогр. В.М. Саблина, 1909.
13. Булгаков С.Н. Диалоги // Из глубины : Сборник статей о русской революции. М.; Пг. : Русская мысль, 1918. Цит. по: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/deprofundis/> (дата обращения: 22.01.2018).
14. Бердяев Н.А. Смысл истории. СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016.
15. Гайда Ф.А. Интеллигенция и Церковь: из истории взаимоотношений [Электронный ресурс] // Православие.Ru. 23.05.2011. Режим доступа: <http://www.pravoslavie.ru/46664.html>
16. Десницкий А.С. Церковь и интеллигенция: так что же общего? [Электронный ресурс] // Православие и мир. 26.09.2011. Режим доступа: <http://www.pravmir.ru/cerkov-i-intelligenciya-tak-chto-zhe-obshhego>
17. Рогозянский А.Б. Православие и либерализм // Тетради Русской экспертной школы № 3 : научное издание / под ред. В.А. Щипкова. М. : Русская экспертная школа; Пробел-2000, 2017.
18. Козырев А.П. Антихрист и революция // Тетради по консерватизму. 2016. № 3. С. 99–114.
19. Чапнин С.В. Скромное возрождение христианской общественной жизни [Электронный ресурс] // Журнал «След». Chapnin.ru. 25.03.2012. Режим доступа: http://chapnin.ru/articles/Pentecost_of_social_life_94
20. Кирилл (Говорун), архимандрит. Богословие Майдана [Электронный ресурс] // Киевская Русь. 12.12.2013. Режим доступа: <http://www.kiev-orthodox.org/site/churchlife/4975>
21. Соловей В.Д. Revolution! Основы революционной борьбы в современную эпоху. М. : Эксмо, 2016.
22. Mannheim K. Schriften zur Philosophie und Soziologie. B. III : Ideologie und Utopie. Bonn : Verlag von Friedrich Cohen, 1929.

23. *Mannheim K.* The Problem of the Intelligentsia. An Enquiry into its Past and Present Role // Essays on the Sociology of Culture / ed. by Bryan S. Turner. London; New York : Routledge, 1992.
24. *Mendel J.* Mannheim's Free-Floating Intelligentsia: The Role of Closeness and Distance in the Analysis of Society // Studies in Social and Political Thought. 2006.
25. *Loader C.* The Intellectual Development of Karl Mannheim. Cambridge : Cambridge University Press, 1985.
26. *Bryan S. Turner.* Preface to the new Edition // Ideology and Utopia : an Introduction to the Sociology of Knowledge / K. Mannheim, ed. by Bryan S. Turner. London : Routledge, 1991.
27. *Козырев А.П.* Революция и русская мысль // Тетради Русской экспертной школы. Т. 1.
28. *Тахо-Годи Е.А.* Алексей Лосев в эпоху русской революции: 1917–1919. М. : Модест Колеров, 2014.
29. *Лосев А.Ф.* Встреча / А.Ф. Лосев // «Я сослан в XX век...» : в 2 т. М. : Время, 2002. Т. 1. С. 319–420.
30. *Лосев А.Ф.* Дерзание духа. М. : Политиздат, 1988.
31. *Булгаков С.Н.* Религия человекобожия в русской революции // Два Града: Исследования о природе общественных идеалов. СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2008.
32. Вестник Русского студенческого христианского движения. Париж, 1971. № 101–102.
33. *Рафаил (Карелин), архимандрит.* Церковь и интеллигенция. Саратов [Электронный ресурс] // Саратов: Изд-во Саратовской епархии, 2009. Режим доступа: https://eparhia-saratov.ru/Content/Books/639/Cherkov_intelligentia.pdf (дата обращения: 24.01.2018).
34. *Солженицын А.И.* Образованщина // Из-под глыб : Сборник статей. Париж : YMCA-Press, 1974.
35. Перелом : Сборник статей о справедливости традиции. М. : Пробел-2000, 2013.
36. Плаха. 1917–2017 : Сборник статей о русской идентичности. М. : Пробел-2000, 2015.
37. Язык : Сборник статей о становлении русского дискурса. М. : Пробел-2000, 2017.

Аннотация. Статья рассматривает историко-культурные истоки возникновения интеллигенции как особой части общества в России и Европе в эпоху Нового и Новейшего времени. С опорой на авторов «Вех», родоначальников постоянной дискуссии об интеллигенции в России, а также на их современника, немецкого социолога К. Маннгейма, выносятся утверждение, что феномен интеллигенции может быть раскрыт с помощью метафор «секулярное духовенство» и «революционная религия». Отмечается, что эти же метафоры воспроизводят современные российские исследователи, стоящие как на «про-» так и «анти-» интеллигентских позициях. Отдельно рассматривается творчество Н.А. Бердяева и А.Ф. Лосева, в котором присутствуют характерные для русской мысли элементы борьбы с собственной интеллигентностью. Автор приходит к выводу, что «интеллигентность» в своей основе является не сословным признаком, а результатом нравственного выбора человека.

Ключевые слова: интеллигенция, Новое и Новейшее время, секулярное духовенство, религия революции, утопия, гностицизм, нравственный выбор.

Vasiliy A. Shchipkov, Ph.D. in Philosophy, Senior Teacher, Department of International Journalism, MGIMO-University, Director, Russian Expert School. E-mail: vas.ship@mail.ru

Abduction of Tradition or Secular Pastors (on Historical Phenomenon of Intelligentsia)

Abstract. The article examines the historical and cultural origins of the intelligentsia as a special part of society in Russia and Europe in modern and contemporary history. On the basis of the ideas of “Vekhi” almanac publicists and the works of German sociologist K. Mannheim the author concludes that the phenomenon of intelligentsia can be described by the metaphors “secular clergy” and “revolutionary religion”. It is also noted that these same metaphors are used by modern Russian researchers, who hold both “pro-” and “contra-” intelligentsia positions. The struggle of Russian intelligentsia against its “intelligence” is considered in the article as its distinguishing feature (as shown in the works of N.A. Berdyaev and A.F. Losev). The author comes to the conclusion that intelligentsia is basically not a “class” feature, but the result of the moral choice of a certain person.

Keywords: Intelligentsia, Modern and Contemporary History, Secular Clergy, Religion of Revolution, Utopia, Gnosticism, Moral Choice.